

КОЛЛЕКТИВ

Семен Грила

Коллектив

*«Равномерность течения времени во всех головах
доказывает более, чем что-либо другое,
что мы все погружены в один и тот же сон;
более того, что все видящие этот сон
являются единым существом».*
Шопенгауэр Артур

Посвящение

Время придумано людьми для того, чтобы не сойти с ума. Оно существует только в их мозгу. Коллективном. Это есть так называемое общественное мнение.

Время – разрушитель всего сущего для человека. Оно делает его счастливую жизнь совершенно несчастной. Календарь бьет по

мозгам и натравливает одних на других. А срывы рабочих графиков, а опоздание на свидания, а ожидание смерти. Ладно своей, а любимых. Время – зло.

Пространство не лучше. Время можно мерить расстояниями. Например, шагами. Замкнутый круг. Пространственно-временной континуум называется.

Вот вам мое мнение по поводу времени. А теперь вы мне объясните, откуда я это знаю.

Он лежал на кровати. Ну, кроватью это назвать было сложно, такие были в ходу в середине двадцатого века. Впрочем, еще доктор Пилатес вдохновился пружинами ее панцирной сетки при создании своей гимнастики. Простыни были гладко расправлены, ровно заткнуты за матрац. Лицо сливалось с подушкой. По цвету наволочка и его кожа были одинаковыми. Одеяло было заправлено в пододеяльник и натянуто до подбородка.

Она сидела перед ним на табуретке. Деревянной. Крепко сбитой.

– Вот вы пишете тут про время, – она помахала перед ним листочком с его каракулями.

– Да, а что не так? – тихо спросил он.

– Да все не так.

– Почему?

– Вы скажите, почему, откуда такие мысли, сомнения и вопросы?

– Вопрос у меня один: откуда я это знаю и почему мне снится одно и то же каждую ночь?

– Вы больны, у вас навязчивые состояния.

– А вы кто?

– Я ваш доктор.

– А я кто?

– А вы мой пациент. Ну хватит уже – мы много раз выясняли это. Вернее сказать, каждое утро. Уже три года.

– Я здесь три года? Это много?

– Голубчик, вы тут десять лет, и это целая вечность. Я тут три года, и это, скажу вам, то же немало.

– А есть какая-то история?

– У вас? Конечно. И бурная.

– Нет, меня моя не интересует. У вас есть история? – он вглядывался в ее лицо. Было понятно, что он видит ее в первый раз.

– Я Кузьмина Софья Ильинична, мне 62 года, и сорок лет я работаю психиатром. С тех пор как окончила университет.

– Вы клинический психиатр или медийный?

– А вы глубокий знаток повседневного быта, я гляжу. Интернет и вас не оставляет равнодушным, – она засмеялась.

– Не оставляет, – согласился он. – Мне тут особо делать нечего. Моя вечность не может меня убить, а я пытаюсь убить ее, только в том моя свобода.

– В убийстве вечности?

– Я что, вам этого ни разу не говорил?

– Много раз, почти тысячу.

– И как вам?

– Занятно. А вы знаете, что стареете?

– Вы тоже говорили мне это тысячу раз.

– И?

– Знаю. Именно в этом моя надежда. Я сломаю вечность и стану свободным.

– Мертвым?

- Это ваш миф.
 - Смерть не миф.
 - Конечно, миф, цивилизационный. Так же, как и время.
 - Понятно. Мы по-прежнему на своих позициях.
 - Да, и у меня просьба – увеличить пропускную способность моего сервера.
 - Я работаю над этим.
 - Спасибо, – он закрыл глаза.
- Она провела рукой ему по лбу.
- Это был их ритуал.

Перетоки

Он встал, как только за ней закрылась дверь. Савелий Инин – так звали постояльца частного заведения с длинным медицинским названием, включающим слово «реабилитация». Савелий был не молод, не глуп, и его отклонения носили наигранный характер. Он управлял ими, когда хотел, и они, когда хотели. Такая вот демократия была на греческий манер. Свободный и раб в одном лице.

Он, как всегда, разложился на цифры и утек в Сеть, вот почему его волновал сервер, которым пользовался местный провайдер. Он влиял на скорость входа и выхода. Ибо это отражалось на диагнозе и особенностях отношений с лечащим доктором.

Таким образом, его уже не существовало опять. Тело лежало в кровати, а мысли были далеко. Путешествовали по бескрайним просторам цифрового мира.

Тут у него было другое имя – Переменный. Здесь не любили тех, кто живет на два дома, поэтому такую полукровку так и называли. То наш, то не наш.

И еще здесь ценили время, а он отвергал само понятие. Поэтому он был еще и узурпатором, и диктатором, и палачом. Если бы мог. А он не мог, но очень хотел. Его текущей задачей было доказать абсурдность самого понятия бесконечности. Никто не хотел ему помогать, все разбегались сразу, когда он спрашивал. Но он не сдавался. Он знал, что победит.

Соратники

Но был один мужичок, звали его Бочкарёв. Ему тоже не нравилось время. Правда, его мотивы были тривиальны: он боялся смерти. А смерть – это производная времени. Вот он сразу был «за», когда увидел призыв о помощи Савелия Инина.

Они переписывались, определяя возможные пути решения. Самый простой вариант был, конечно, покинуть Землю. Ведь время существовало только на ней, убеждал соратника Инин. «На чем покинуть?» – резонно спрашивал его Бочкарёв. Это была загвоздка этого варианта.

Второй вариант – уничтожение Земли – был не менее труден и изобиловал огромным количеством сопряженных проблем.

В результате обсуждений решили пока заняться пропагандой и агитацией – собирать сторонников, а там видно будет. Может, наука продвинется, или еще что случится. А случиться может всякое. Вот научился же Савелий путешествовать в Сети. Ограниченно, но тем не менее. Получалось у него раскладываться на единицы и нули. Бочкарёв тоже так хотел, но у него пока не получалось.

Решили привлекать соратников, обещая такое. И это сработало. Записалась почти тысяча человек. Это было уже что-то.

Первую виртуальную встречу назначили на среду на будущей неделе. Инин волновался. Бочкарёв был в восторге:

– Это же здорово, сразу много их набежало.

– А что я им скажу? – спрашивал Инин.

– Расскажешь про вред времени, только прошу тебя – попроще, не закидывайся. Скорее всего, придут люди простые. Объясни доступно.

– Хорошо.

– И еще оденься как-нибудь нормально.

– А что – тебе не нравится костюм и все такое?

– Этот костюм твой выглядит как из позапрошлого века. Отпугнешь людей.

– Это не главное, – сказал Савелий.

– Как сказать, – сощурился Бочкарёв.

– Да иди ты, задолбал меня совсем.

– Ладно, мне и правда пора. Пока, – и он отключился.

– Обидел человека, а зачем? – спросила плюгавая мелкая тварь, сидевшая в углу.

– Тебя не спросил, – ответил Савелий и очутился у себя в комнате.

Утро

Они снова говорили.

– А что это за Бочкарёв? Он какой-то мутный, нет?

– Вы кто? – Савелий смотрел на нее.

– Я ваш доктор. Вы тут пишете про друга. Вы с ним изучаете возможность покинуть планету.

- Вы опять за свое. Вы нарочно сводите меня с ума.
- Я стараюсь помочь вам. Вы больны.
- А вы, значит, здоровы?
- Ну, все относительно, – она засмеялась
- Вот-вот.
- Я бы хотела, чтобы вы прошли некую процедуру. Один мой коллега проводит. Тест на содержание.
- Это как? Оценивает состав тела?
- Ну примерно, все немного сложнее. Это скорее попытка оценить вашу сущностность.
- А, значит, не только химия?
- Не только. В этом все дело.
- И когда?
- Думаю, завтра. Вот в это же время. Вам подходит?
- У меня есть выбор?
- Нет.
- Вот видите. Демократия имеет свои выгодные стороны.
- Какие же?
- Вы решаете за другого, но вы вежливы услужливы и даже пикантны.
- Мило.
- Идите в жопу.
- Грубо.
- А на хуй?
- Эстетика упрощения.

Хор

Последователи собрались. Более тысячи. Савелию казалось, что это наваждение. Но нет. Счетчик показывал цифру, и он мотал бесконечный список подключившихся.

– Друзья, – начал Савелий, – что вы знаете о времени?

Эфир заполнился какофонией восклицаний.

– Вот именно, – продолжил он. – И спасибо, что пришли, я сейчас вам кое-что расскажу.

– Так есть время или нет? – спросил кто-то в возникшей паузе.

– Это ваш выбор, – ответил Инин. – Время ведь субъективно, пока вы моделируете процесс.

– Это как?

– Управляете рефлексией, подсознательно.

– Значит, я в силах отменить его?

– Разумеется, иначе я бы и не отрывал вас от дел.

– Что надо делать?

– Отказываться. Если все откажутся, мы его убьем.

– Сложно.

– Было бы легко, это бы давно случилось.

– Зачем?

– Свобода.

– Мы не сможем.

– Сможете, если откажетесь. Время – это контроль. А контроль лишает вас вашего «я».

– Да это понятно. Но абсурд – абсурд никуда не денется.

– Почему? Время и есть главный абсурд...

Савелию нравились эти люди, он был ошарашен их толерантностью, их пониманием и участием, он начинал любить их. И потерял. Сеанс как бы оборвался.

Тест

– Ну что я могу тебе сказать – он не идиот.

– И на том спасибо, – она засмеялась.

Коллега посмотрел на нее внимательно.

– Есть еще кое-что.

– Что?

– Он коннектится.

– Ну понятно. С вами.

– Не только. Во время сеанса мы зафиксировали довольно мощный поток обмена данными.

– С кем? – она встревожилась.

– Понятия не имею. Это не наша юрисдикция.

– Как же так? – Софья Ильинична смотрела на Хрипатого. – Я не понимаю.

Хрипатый (коллега, о котором она говорила Инину) изобрел, вернее, разработал тест Тьюринга на гуманоидную сущность. Сейчас он развел руками.

– Ты кем его считаешь? Какого хотела результата? – спросил Хрипатый.

– Да любого, я не знаю ничего о нем. Кроме того, что он ментально отсутствует по ночам, – сказала она.

– Вот, ты своего добила, он обладает некими характеристиками, не присущими гуманоидам.

- Зашибись, – сказала Софья Ильинична. – И что мне теперь делать?
 - Откуда же я знаю.
 - А подробности?
 - Нету подробностей. Незученная область. Не наш департамент.
 - А я как должна поступать, по-твоему?
 - Забыть про нашу встречу. И про тест.
 - А его?
 - А его списать в коллектив.
 - Ты знаешь про коллектив?
- Он засмеялся.
- Страшный ты человек.
 - Не я страшный. Коллектив страшный.
 - А аргументы?
 - Напиши, что интересуется политикой, это всегда работает. И что отсутствует по ночам. И не успеешь глазом моргнуть, а он уже там.
 - Сдать?
 - Сдать и не жалеть.
 - Я так не могу.
 - Не кривляйся.

Медичи

Флоренция бесподобна весной. Воздух, цвет и запах. Савелий Инин, задрав голову, смотрел на купол собора. В нем поражало все. И раздражало все. Неуспокоенная симметрия. Выбор порядка или

порядок выбора как главная проблема социума особенно хорошо различима, когда появляется Савонарола.

Савелий решил двигаться к отмене времени, поражая институты. Скачка не получится, он это понял. Тогда понял, когда делали тест, а потом Софья Ильинична долго плакала. Она жалела его. Такого слабоумного.

Его пришлось передать в другое учреждение. Оно носило странное название «коллектив» и было нелепым и никчемным. Там изучали формы воздействия на коллективное бессознательное. Это формально. А на самом деле отрабатывали будущие методы управляемости масс. Такая вот хитрая контора. Его там обласкали и отправили путешествовать.

Теперь он стоял в Уффицы напротив Боттичелли. Была весна. Впереди стояла женщина, она обернулась и сказала:

– Голубчик, будьте счастливы.

– Вы?

– Да, я. И я знаю, кто вы.

– Скажите мне.

Софья Ильинична засмеялась:

– В другой раз.

И пошла. Савелий смотрел ей вслед.

А потом они пили пиво с Бочкарёвым.

– Ну как дела? – спросил Бочкарёв.

– Продвигаемся, – ответил Савелий.

Они продвигались.